

Книга была написана так молодо и свежо, юмор ее был так легок и, в то же время, между строк было столько живой правды, что она оказалась тогда единственной значительной книгой о России в первые большевистские дни.

Книга имела очень большой успех; но успехи уже не радуют, не возбуждают Семена Соломоновича. Очень уж его угнетало то, что его близкие страдали в России от холода и голода, болезней...

В 1922 году в книгоиздательстве "Москва" были изданы три тома "Леона Дрея". Союз христианской молодежи⁹¹ скупает все издание и сжигает его. Конечно, был "протест писателей", но событие отозвалось болью в душе Семена Соломоновича.

С виду, особенно на людях, Семен Соломонович был как бы прежним — шумливым, живым, общительным; он посещал открывшийся тогда в Берлине писательский кружок, не прочь был поискать с приключениями бутылку редкого вина, попить, но это был, на самом деле, другой человек — жизнь уже ушла наполовину из мощного тела. Он все чаще и чаще заговаривает о смерти, об ужасе лишиться дыхания, солнца, погрузиться в тот неведомый мрак, который страшнее всех ужасов земных... И не договаривал, не высказывал самого главного, последнего затаенного страха — лишиться обожанной семьи, которая была для него дороже славы, дороже солнца и дыхания.

Наташа, старшая его дочь, училась тогда у Превости. И Семен Соломонович следит за каждым ее шагом, радуется ее успехам, огорчается ее огорчениям, с радостным бением сердца прислушивается к очаровательному тембру ее голоса. Радует его и наполняет семью светом любви маленькая Нина; по-прежнему он ведет ее дневник и любящей рукой вписывает туда каждую мелочь, каждую черточку жизни обожанной девочки, по целым дням рассказывает ей сказки. И, в то же время, безумно волнуется, узнав о том, что брат, Михаил Соломонович, заболел сыпным тифом. Он часто не ел, два месяца не выходил из дома... Посылает телеграммы и "умирает от страха", как он пишет в одном из тогдашних писем.

В следующее лето Семен Соломонович опять в Эмсе, вместе с приехавшими из России братом Михаилом Соломоновичем и его женой. В Эмсе Семен Соломонович, как и в первый раз, поселился в отеле, среди парка, в котором когда-то жил Александр II с княгиней Юрьевской. Этот отель отводили немцы у французов под "Убежище для отдыха ученых и художников". В 1923 году французы в Эмсе немцев не впускали, и поэтому Семен Соломонович с семьей брата являлись почти единственными обитателями роскошного дома среди парка. По иронии судьбы, в бывшем кабинете Александра II-го Семен Соломонович работал над "Эпизодами"...

Для семьи Семена Соломоновича это было самое сравнительно спокойное время за всю эмиграцию. Семен Соломонович наполнял обширный дом жизнью, много читал, спорил, часто бывал шумно весел.

Переехав в Берлин в сентябре, в разгаре инфляции, Семен Соломонович разволновался, в то время очень недвусмысленно стали проявляться ксенофобские инстинкты. Наконец, русские издательства, которых тогда было чуть ли не шестьдесят, стали прекращать свою деятельность. Началась тяга в Париж. Переехал в Париж и Семен Соломонович. Сначала он поселился в окрестностях Парижа, в Enghien-les-Bains, и здесь во второй раз в жизни он перенес сердечный припадок, правда, без последствий, скоро забытый⁹².

В Enghien-les-Bains Семена Соломоновича начала удручать монотонная жизнь, он любил всегда жить там, где было оживление, много людей — и он переехал в Париж. Прошла вторая книга "Эпизодов", такая же живая, интересная, как и первая. Книга, хотя шла хорошо, приносила ничтожный доход, а сравнительно большие деньги, вывезенные из Америки, уже подходили к концу...

Друзья от времени до времени устраивают Семену Соломоновичу литературные вечера, приносящие только временное облегчение; пришла пора задумываться не о романтическом будущем, а о прозаическом завтрашнем дне.

Нужно было предпринять что-то решительное, но что? Писателю-эмигранту в Европе своими силами трудно выбиться на свободу, и вот Семену Соломоновичу приходит идея создать русский театр. Но если это было возможно в некоторых других центрах эмиграции, то в Париже оказалось невыполнимым. После двух, трех спектаклей пришлось отказаться от мысли о русском театре в Париже.

Кажется, специально для этого была написана Семеном Соломоновичем одноактная пьеса "Домик сумасшедшего", в которой воплотились все лучшие стороны его таланта: юмор, теплое отношение к жизни и великая жалость к людям. В этой драгоценной маленькой картинке выражено столько скорби по утраченной родине, по богатой и свободной жизни, так горячо плачет и тоскует его герой по своему городу, что вряд ли найдется нечто равное во всей эмигрантской литературе. В этой пьесе сердце Семена Соломоновича "поработало" всю...

Наташа по-прежнему берет уроки пения, потом блестяще выдерживает экзамен в консерваторию, маленькая Нина учится танцам, потом поступает в лицей. Заласканное дитя, капризная и своевольная, она становится не по-детски серьезна, поступает в лицей, усердно посещая студию Преображенской. Начинаются у влюбленных в детей родителей новые заботы, новые радости и огорчения.

Меж тем, его последняя пьеса "Повесть о господине Сонькине" идет с большим успехом в Вене, Берлине. Знаменитая итальянская артистка Грамматика берет пьесу "В городе" в свое турне... Но все же доходы от пьесы слабые, львиную долю пожирают антрепренеры, переводчики, которые очень часто забывают... что нужно платить и авторский гонорар.

Страх за будущее все томит Семена Соломоновича, нужно как-то обеспечить себя — помимо ненавистных литературных вечеров... И вот он присматривается, следит за кинематографом, пробует писать сценарии и пишет их необыкновенно быстро. Изобретательности, забавной выдумки, интриги для интернациональной публики у него находится достаточно, но тут нужно два искусства, неравных; первое и самое большое — пристроить сценарий... И второе — написать его. А для этого нужно погрузиться в совершенно новую жизнь, в ад интриг и всякого искательства.

Но все-таки Семен Соломонович продал один сценарий и, конечно, превозмог бы все трения — это было видно по тому интересу, с которым обращались к нему "летучие" антрепренерские компании.

Семен Соломонович узнает (в конце 1926 года), что в Нью-Йорке идет его пьеса "Человек воздуха", да притом с большим успехом; меж тем антрепренер присылает ничтожный гонорар...

"Нужно ехать в Америку! Спасет только Америка!" Неукротимая энергия Семена Соломоновича, как всегда, возбуждаемая борьбой, и на этот раз побеждает — он находит необходимые средства. Его мучают сомнения, опасения... Он чувствует сердечное недомогание, скрывает это от семьи. Но семья уже чует беду, стремится удержать его от опасного путешествия...

Неумолимый страх пред смутным будущим берет верх, и Семен Соломонович с отчаянием в душе уезжает в Америку.

Семен Соломонович уехал, а с ним ушла жизнь из семьи. Все притихло, перестали посещать друзей, развлекаться, инстинктивно жалась друг к другу — точно уже чувствовали близкую трагедию.

Уехал Семен Соломонович, имея денег только в обрез... Трудный зимний переход через океан, мрачные мысли наложили тяжкий камень на большое сердце.

Но энергии еще много в нем, и он, полубольной, героически впрягается в непосильное ярмо нью-йоркской жизни. Семен Соломонович работает с утра до вечера, только была бы спокойна семья, только была бы весела и здорова семья! Посылаются в Париж письма, телеграммы, радио — он хочет знать все до последней мелочи: кто чем дышит, чего хочет, не болен ли кто? А сам свою развивающуюся болезнь таит про себя... Его нервы так обостряются, что он чувствует: его обманывают. Ведь он знает, что его любимая девочка больна! Знает, что успокоительные телеграммы — только желание семьи не огорчать его...

Письма Семена Соломоновича из Америки полны непрестанного беспокойства, он мучительно страдает от отсутствия детей, жены.

"Я беспокоюсь, а если беспокоюсь, то не могу ничего делать... А с известиями из дома я оживаю на день, на два... — пишет он. — Мои милые, прелестные! Не хочу вдумываться, что я без вас... Даже не знаю, как коротаю время... Целую вас и обожаю. Я вас обожаю, целую каждую в отдельности и всех, ибо все три — одно". И всегда один и тот же рефрен: "Главное, берегите себя и мою Нино, не уставайте быть осторожными сами и с ней, чтобы я мог спокойно здесь жить, сколько нужно... О вас стараюсь не думать, но в сердце, глубоко в душе — там само думается: только будьте здоровы и благополучны. Целую вас и обожаю".

И во всех письмах из Америки среди обычного содержания всегда пробивается

дыхание жгучего беспокойства за обожаемую семью. Страшно подумать: все его надежды, все желания, весь мир сосредотачиваются только в детях и жене, которые для него теперь единое, неразделимое целое.

Великая любовь к жизни, к семье, казалось бы, и есть залог счастья? Но был ли счастлив Семен Соломонович — это большой вопрос. Этот вопрос приходится поневоле поставить несколько иначе: может ли быть счастлив человек с большим темпераментом, широким, любвеобильным сердцем, цельный человек, который не умеет наполовину любить, наполовину ненавидеть? Конечно, нет. Ведь на самом деле Семен Соломонович — воплощение матери, "вечно хлопотливой, огорченной женщины". Любящий человек эгоистичен, и каждая пылинка, которая садится на любимое существо, вызывает боль, а жизнь груба. Любящий человек, да притом с большим воображением, конечно, мучник своей любви. Таким мучником и был Семен Соломонович.

Из Америки Семен Соломонович возвращается надорванным, но не показывает вида, что болен, скрывает это от семьи, от друзей.

Замечательно вообще здоровый, никогда ничем особенным не болевший, если не считать ангины, которая одно время одолевала его, он был необыкновенно мнитель. Бывало в счастливые времена: заболел желудком — заливается в постель, окружает себя старушками-тетушками, ведет бесконечные разговоры... и так мог лежать неделями.

Однажды, это было в Петербурге в 1912 году, он слег, вообразив себя больным холерой, дело дошло до того, что он уехал за границу. Он был болезненно острожен с пищей, без тщательного осмотра никогда не ел, особенно не дома. И вот, когда пришла настоящая болезнь, он становится неожиданно легкомысленным, ест и пьет не вовремя, часто поздней ночью, даже пьет вино, делает все наперекор советам врачей; "назло" неизвестно кому, сердясь, хочет обмануть организм, обмануть себя, близких. Врач по образованию, он слишком все знает; знает, что крепкий организм сам борется с болезнями, которые как бы сами собой и проходят. Верит в благоприятные случайности, надеется, что сердце опять "станет на рельсы", как уже бывало; но становится хуже — он опять замучивает себя мрачными мыслями, неделями сидит дома и при встрече со знакомыми теперь особенно красноречиво, методически описывает, как после смерти труп человека разъедают черви шести пород... великодушный труп человека, упитанный всякой едой и яствами...

И смеется, издевается над врачами, над жизнью, которая так бессовестно "обманула". "Нет! — восклицает он. — Не дам себя червям!" — и заказывает, чтобы после смерти его сожгли. Он охотно говорит о бессмертии, о Боге, совершенно отрицая и Бога, и его проявления в чуде самой жизни и проявлениях естественных сил, эманаций мысли, воли. И в то же время — суеверен, верит в приметы... Он вечно спорит с братом, с друзьями об интригуемом его "тайственном", от которого самым решительным образом отмахивается, находя, что и ад, и рай только здесь, на Земле. И вот в то же время его тянет к этим разговорам...

Врачи прописывают полный отдых; летом он едет на юг, в Juan-les-Pins; там, у моря он чувствует облегчение, и если бы не то, что Наташа осталась в Париже держать выпускные экзамены в консерватории — было бы все хорошо! Он, конечно, постоянно пишет письма, требует подробнейших ответов... Наконец, дочь в семье. Семен Соломонович чувствует себя настолько хорошо, что, позабыв примитивную осторожность, купается в море, плавает, катает в лодке свою любимую девочку, каждый вечер посещает казино и вообще ведет себя как здоровый человек. И, в то же время, пишет друзьям в Париж, что сердце все же "бухает"...

Из Juan-les-Pins Семен Соломонович заехал к брату в Виши и там заболел серьезно желудком. Вернувшись в сентябре 1926 года в Париж, он, кажется, понял все...

Семен Соломонович запирается дома; его все раздражает — и люди, и шум улиц; он не хочет ни с кем встречаться, ничто его не интересует. Он то педантичен в лечении, то, махнув рукой на все, живет, как хочется, то, несмотря на запрет, работает. Со стороны казалось, что, по природе мнительный, Семен Соломонович все преувеличивает, но скоро это перестало казаться, особенно после того, как он пережил сердечный припадок, настолько тяжелый, что был выписан из Ниццы брат Михаил Соломонович, доктор. И опять сердце начало находить свои "рельсы".

Так как у Семена Соломоновича желудочные недомогания были в связи с серд-

цем, то он был принужден согласиться на жесткий режим.

В это время Наташа получила ангажемент и должна была ехать с труппой в Испанию.

Это было большое событие в семье. Уезжала в первый раз из семьи любимая дочь, одна, в незнакомую страну — пришла сразу и большая радость, и большое огорчение.

Семен Соломонович каждый день пишет письма, малейшее промедление с ответом вызывает телеграммы. Предполагалось даже всей семьей ехать в Испанию...

Семена Соломоновича интересует всякая мелочь, касающаяся дочери, труппы. Каков театр? И где помещается — в центре города или в стороне, и каков сам театр, быть может, "вроде театра на Тернес или вроде театров на больших бульварах?" "Как было твоё выступление, что чувствовала?... Выходила ли раскланиваться один раз, два раза, или совсем не выходила?... Появляется ли кто-нибудь из публики за кулисами?" — и т. д., и т. д. И, как всегда, постоянные волнения, опасения... "Драгоценная, береги себя — это самое важное, я только об этом и думаю. Будь веселенькой, жизнь моя, не хмурься ни на что, хочони, развлекайся!.. Желаю тебе успеха, дуся, и напиши нам, как решаешь с нашей поездкой в Испанию... Вчера в семь часов аплодировали тебе я, мама и Нина. Обожаю и целую, будь беззаботной..."

Дни без Наташи кажутся бесконечными, а письма иной раз не доходят или опаздывают, ожидания сменяются волнениями, тоской.

"...Скучно — и передать нельзя. Мы весь день говорили о тебе. Ох, если бы уже письмо. Вечером чувствую тебя в театре, аплодируем... Все мои мысли только о тебе и Нине. Но прежде всего — о тебе. Тебе надо уже устраивать свою жизнь, постепенно выдвигаться. И это есть настоящий, живой интерес. Ко всему остальному я стал равнодушен. Даже к писанию. Ну, еще напишешь рассказ, пьесу, несколько пьес, прибавится еще моих книг... А ты — другое дело. Живое, молодое, интересное. Важно развиваться и добиться отличного места в жизни. Целую тебя крепко, крепко, жизнь моя! Веселись, береги себя. Обожаю, твой..."

Суровое лечение с голодным режимом то помогало, то неожиданно Семену Соломоновичу становилось хуже. Михаил Соломонович, все время оставшийся при брате, изучил новейшую литературу о болезнях сердца, но как раз нервные заболевания исследованы меньше всего; слышном непонятно до сих пор эта сторона жизни сердца, которое по внешнему виду остается совершенно здоровым. Обращался Семен Соломонович и к современным знаменитостям, но, и медицинская литература, и практикующие врачи давали ответы неясные, по преимуществу это были общие места.

Последние недели своей жизни Семен Соломонович был на людях таким, как всегда, но все чаще и чаще в его голосе звучали еле уловимые скорбные ноты. Россия, друзья, радость жизни — все в прошлом. Все окончено, жизнь окончена — повторял он не раз при встречах с друзьями.

Неизменно вспоминал Семен Соломонович своего "папу, ничего не боявшегося", его знаменитую голубиную охоту, лошадей. Вспоминал сияющие, голубые дни на Большом Фонтане, море, теплые ночи, долгие прогулки с друзьями... О чем говорилось тогда? О невыносимой, мертвой, однообразной жизни — и это в счастливейшие годы! "Ничего не знаем — дети!" — возмущался Семен Соломонович.

Незадолго до смерти он был у друзей. Помянули "веселые дни", но уже без вина...

Семен Соломонович сидел, сгорбившись, и, лукаво блестя добрыми, грустными глазами, тихо запел песенку о том, что все уже прошло — и прошло навеки...

Только несколько слов, но в них была вложена такая горячая печаль, которой нет выражения на бедном человеческом языке.

Все поняли, были смущены и неестественно весело заговорили о другом.

Спустя шесть дней Семен Соломонович снова навесил своих друзей. Поднявшись на лифте, почувствовал недомогание, он постоял на площадке у дверей и, не позволив, уехал домой...

В три часа ночи Семен Соломонович проснулся от боли в желудке. Пульс не внушал никаких опасений. Потом боль перешла на сердце. Братом, Михаилом Соломоновичем, были приняты все меры к облегчению припадка — и постепенно боли начали проходить.

— Улыбнись мне, — сказала Анастасия Соломоновича, памятуя обычай...

Семен Соломонович улыбнулся жене, закурил папиросу... но закинулась голова, закатились глаза... и Семена Соломоновича не стало...

(Публикация Виталия Амурского, Париж.)

⁹¹ В типографии которого печатался "Леон Дрей".

⁹² В первый раз припадок случился в Петербурге в 1815 году.